

А. С. Стрекалов

Задумшевные рассказы

12+

Александр Сергеевич Стрекалов

Задушевные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828713

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-2582-7

Аннотация

Необычные жизненные истории, запечатлённые по «горячим следам» и сразу, в один присест. Каждый рассказ, таким образом, стал для автора «песней», которые исполняются на одном дыхании и длинными не бывают... На обложке – фрагмент картины В.М. Васнецова "Баян", 1910 год.

Содержание

От автора	4
Гримасы Судьбы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

От автора

«Задушевные рассказы» – мои первые литературные опыты, выросшие из острых душевных переживаний, можно сказать – подсказанные и окропленные ими, оставившие зарубки на сердце; переживаний, которые я и запечатлел на бумаге по горячим следам в конце 1980-х годов, в 30-летнем возрасте... Всего тех рассказов я написал с десятков, наверное, собственноручно напечатал их на машинке «Любава» (случайно купленной на Большой Дмитровке) и переплёл. И до сих пор храню... А потом, святая простота, бегал с ними по редакциям столичных журналов, начиная от элитарного «Нового мира» и кончая якобы либеральной «Юностью», намереваясь напечатанное опубликовать. Тогда я ещё искренне верил: чудачком был ужасным, непрошибаемым, – что в Большую литературу можно войти самостоятельно и с парадного входа, минуя «подворотни», «подвалы» и «чердаки», унижение, постели с выпивками и кривляние. Как и лизание задниц сильным мира сего, «литературным генералам» так называемым, или «гениям» – если попроще, кто и вершили, и вершат до сих пор в России все редакторско-издательские дела.

Увы, тогда я сильно ошибся, получив везде «от ворот поворот». Теперь-то понимаю, что абсолютно справедливо и правильно: те мои первые пробы пера были и вправду сла-

бенькими (что, однако ж, не поменяло моего негативного отношения к литературным руководителям вообще – и советским, крайне заидеологизированным, и нынешним, демократическим, якобы свободным). Выбрав из них три рассказа, за которые мне до сих пор не стыдно, я и опубликовал их на ЛитРесе в 2017 году, любезно предоставившему мне, никому не известному автору, свои интернет-ресурсы. За что руководству редакции низкий поклон и тысячи благодарностей.

«В день ненастный, час гнетучий

Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольётся:

Скорбь-невзгода распойётся!»

Е. Баратынский

Гримасы Судьбы

Все проблемы его начались с трёх с половиной лет, когда он, крепенький и румянёный карапуз, оставленный дома один, заигрался и свалился с печки, с двухметровой её высоты, не такой уж страшной и опасной вроде бы. Голова, спина и руки при этом не пострадали, слава Богу, но при падении маленький Вася сильно ударился об угол скамейки крестцом. После чего у него почти сразу же отнялись и пересохла ноги, сделавшиеся непослушными и неуправляемыми как надломленные бурей ветки, будто бы отделившимися изнутри от остального тела и существовавшими уже как бы сами по себе, автономно и независимо, одиноко и сиротливо.

Что там такое с несчастным мальчиком произошло в физиологическом плане? и можно ли было этот тяжёлый недуг по горячим следам вылечить и исправить? – теперь уже невозможно определить. Как невозможно было сделать этого и тогда, по горячим следам, из-за недостатка денег и времени. Ведь случилась трагедия, поясним, в первой половине 1930-х годов в глухой забытой Богом деревне Центральной России в семидесяти километрах от Тамбова, в нищей крестьянской семье, в разгар коллективизации к тому же. Родителей Васи загнали в колхоз и заставили там ишачить сутками без продыха и выходных – на горбу вытягивать-выполнять вместе со всеми первый советский пятилетний план по

выводу обожжённой и ограбленной Революцией и Гражданской войной страны из экономической трясины, тотальной нищеты и разлуки, спасти горожан от голода. Лишнего времени тогда не было ни у кого. Детки росли бесхозными, почти-что сиротами... Кому из них везло – тот выживал и становился полноценным и крепким, к самостоятельной жизни полностью приспособленным. С кем же по недосмотру случалась беда – помирали быстро, либо становились калеками.

Васятке не повезло: он упал и убился, спину больно зашиб. И весь день провалялся под лавкой, скрюченный, в ожидании помощи. Вернувшиеся под вечер с работы отец и мать, увидев посиневшую и распухшую от удара поясницу младшего сына и его самого, бледного и перепуганного, на полу жалобно стонущего, лишь всплеснули руками и заплакали-запричитали дружно. После чего, спохватившись, подняли продрогшего кроху на руки, расцеловали, перевязали и накормили, бережно уложили спать. А потом перекрестились на образок и обречённо понадеялись оба, что всё у того обойдётся в итоге и заживёт: отпустит болезнь онемевшие и одеревеневшие ножки...

Но болезнь не ушла, не отпустила Васятку: ежевечерние истовые молитвы и горькие слёзы родительские не помогли избежать беды, или хотя бы ослабить недуг ребёнка. Ушибленные ноги его с того трагического момента так себе плетями и висели на теле, и признаков жизни не подавали. Совсем. Тело мальчика принялось жить, расти и развиваться-

ся как бы само по себе, нормально, здорово и правильно. А ноги будто бы замерли и остановились в развитии, уродуя внешне парня и одновременно напрягая и мучая его изнутри, озорного и подвижного от природы, всю дорогу рвавшегося прыгать-скакать и резвиться вместе с другими, везде лазить, мешаться, бегать наперегонки. А тут его вроде как спеленали-стреножили лихие люди – и не торопились освободить, вроде как про него забыли.

Больные ножки, крепко привязавшие Васю к дому, лавке, двору и крыльцу, всё больше и больше отделяли и отдаляли его от ровесников, от двух здоровых братьев в первую очередь, делали муторной жизнь и его самого, и его ближайшего окружения. В семье все как-то вдруг быстро поняли, что их младший сын и брат – инвалид. И придётся теперь с этим пренеприятным фактом считаться, тащить его, убившегося, на себе, всегда держать рядом и не отпускать, помогать ему выжить и уцелеть в этом холодном и злобном мире.

Поначалу так оно всё и было: семья опекала и лелеяла хромоногую Васю как могла, максимально избавляла его от проблем и неудобств ежедневных, житейских. И пока родители были рядом, а два старшие брата и сестра не выросли и не окрепли ещё, не выпорхнули из родного гнезда – Васятка настоящего горя и слёз не знал: семья от них его старательно ограждала.

Но в 1941-м году, в августе, убили на фронте отца (пропал без вести по *похоронке*), и жизнь 11-летнего мальчика поме-

нялась круто. У рано овдовевшей и насмерть перепуганной и придавленной жизнью матери на него уже не хватало сил, чтобы с Васяткой как раньше персонально нянчиться. Ему приходилось уже самому учиться жить, обслуживать себя, недоделанного, за себя бороться...

Но и это ещё не было самым страшным – пропажа кормильца-отца. Настоящие беды его начались с тех пор, когда подросшие и возмужавшие братья во второй половине 1950-х принялись один за другим жениться и уходить из родного дома, вить себе гнёзда на стороне, заводить собственных ребятишек, которые им обоим становились уже дороже и ближе естественно, и родней, чем хромоногий младший братишка. Вечно ноющий и капризный, неудельный какой-то, невзрачный, неполноценный, привязчивый и несамостоятельный, он становился обузой и элементарно им надоел. Поэтому-то помогать и поддерживать его как раньше они уже не спешили, стремглав не бросались на выручку: и желание убавлялось с годами, братские чувства, и не доходили руки.

А уж когда и сестрёнка старшая, любимая, вышла замуж и на жительство к мужу ушла, и у неё один за другим стали появляться дети, мальчик и девочка, из-за которых она про брата-калеку забыла почти, уделяя всё время и силы грудничкам-малюткам, – тут уж Василию жить и терпеть мытарства стало совсем невмочь. Психологически – в первую очередь. Он отчётливо понимал, что далее горе мыкать придётся.

ся ему одному, на пару со старенькой матерью. И что одиночество это его, скорее всего, пожизненное.

От одной только этой мысли он, уродливый хромоногий изгой, кроме матушки никому не нужный и не интересный, даже и родственникам, принялся ежедневно пить, глушить самогонкой чёрные мысли-переживания, что неотступно следовали за ним по пятам и сулили Василию в недалёком будущем нешуточные проблемы, с реальным голодом связанные, мучительной смертью. Убитая горем мать видела, что с сыном творится неладное, понимала, что его надо срочно спасать, пристраивать в дело – женить понимай, как других, пока он совсем не спился и не загнулся под лавкой. Но на ком женить? – сразу же вставал вопрос. Кто захочет пойти за такого уродца?...

От подруги на ферме она узнала по случаю, что в соседнем селе живёт-поживает с родителями и также вот горе мыкает одинокая Анна, старая 40-летняя дева, не могущая никак выйти замуж по какой-то причине, которая была старше Василия аж на 15 лет. Многовато, конечно же, перебор, “товар просроченный, залежалый”, как говорится, – но куда было деваться-то? Уж лучше с такую “кошёлкой трухлявой” соединиться, образовать союз, чем совсем одному куковать, в обнимку с бутылкой...

Подумали-подумали, повздыхали-поохали старшие братья с матерью, прикинули в голове все выгоды и затраты – и послали к девке сватов, сговорились, привезли её на смот-

рины. И получилось, что и она категорически не понравилась Василию в тот свой первый приезд: старая была больно, страшная и носатая как цапля, бедно одетая, – и он ей – тоже. Хотя и был виден собой, сидючи за столом-то, с руками, ногами как говорится, какой-никакой, а мужик. Но ноги-то у него были уж больно странные – тонкие и кривые, слабенькие, ненастоящие будто бы, ненатуральные, которые уже и тогда, в 25 лет, еле-еле удерживали в равновесии худое тело его, заставляли переваливаться с боку на бок при каждом новом шаге словно пингвину, сильно потеть, а передвигаться с палкою...

В общем, целых полгода после свидания думали-гадали оба, переваривали обоюдную неприязнь в душе, расстройств сильные и брезгливость. После чего сквозь зубы объявили родителям, что жениться согласны: давайте готовьтесь, мол... Родители обрадовались, перекрестились, сыграли скромную свадьбу, чтобы не смешить людей. После чего молодые стали жить в доме у Васиной матери, которая здорово им помогала на первых порах: всё хотела молодой угодить, по возможности заменить в их семье инвалида-сына; чтобы семья не распалась в первый же месяц, не убежала жена от Васятки.

Ей это удалось – поневоле возникший союз сберечь. И через два года у молодых родился парнишка. Как ни странно покажется – крепенький и здоровый, хороший собой. Не в родителей убогих и страшненьких пошёл парень: похоже, от

дедов и прадедов здоровье и красоту урвал, чтобы передать её по наследству, когда подойдёт срок, уже собственным ребяташкам...

А приблизительно в это же время старший брат Василия, Михаил, обосновавшийся в райцентре после службы в армии, работавший инструктором в местном горисполкоме, заведении элитном и значимом, достаточно властным в ту пору, стал перетаскивать туда, в райцентр, и родню – чтобы повеселее в городе было им и ему жить, полегче и понадёжнее большим коллективом. Сначала помог перебраться из деревни в город среднему брату Виктору; потом – сестре Татьяне. А под конец перевёз туда и младшего инвалида Василия с семьёй, выбил им всем на первых порах бараки.

Виктор и Татьяна вживались в специфическую городскую среду достаточно быстро и без проблем: были шустрые и здоровые оба, имели такие же здоровые семьи, крепких жён и детей. Инвалиду Василию приходилось в этом отношении куда сложней, за ними здоровыми-то угнаться: он шустрым и пробивным быть не мог по определению, или по воле Судьбы, если быть совсем точным... Но жить-то ему и его семье хотелось не хуже и не беднее всех остальных – это дело нормальное и естественное, и очень даже понятное. Вот предельно самолюбивый и волевой от природы Василий и рвался из последних сил, не желал отставать от других, здоровых и пронырливых родственников и соседей, падать в грязь лицом перед ними, нытиком-слабаком выставляться, в нищете

и серости прозябать, беспробудном пьянстве и скотстве.

После переезда в город он сразу же устроился работать в сапожную мастерскую сапожником, где надо было на заднице весь день сидеть и никуда не ходить, не дёргаться, что его, инвалида, вполне устраивало. Устраивала и зарплата, неплохая в целом, да ещё и сдельная. Сколько каблучков на подошву набьёт, сколько туфель и сапог залатает-починит – столько и получит на руки. А он на работу злой был, горячий: трудился много и качественно, на совесть. От заказчиков претензий и нареканий не было, жалоб.

Одна его мучила беда: до работы надо было каждый Божий день добираться как-то. Полкилометра туда, полкилометра обратно, – мелочь вроде бы для здорового человека. Но для него, слабоногого, это превратилось в большую проблему с первого дня, отнимавшую изрядную долю сил. Да и времени – тоже.

Поэтому-то – хочешь, не хочешь, – но он сразу же вынужден был одолжиться и купить себе велосипед, который был жизненно необходим и стоил в 60-е и 70-е годы очень и очень дорого. Четыре месячные зарплаты отнял двухколёсный транспорт в итоге, который с того времени у него регулярно крали бессердечные злые люди, когда он его у продавца порой оставлял, чтобы зайти вовнутрь и купить папирос или домой съестного. Пока он заползал в магазин черепахою, пока покупал и упаковывал товар, рассчитывался с продавцами, пот с лица вытирал, переводил дыхание где-ни-

будь в сторонке, – местные жулики-щипачи, будто специально стоявшие поодаль и его, бедолагу, выслеживавшие, Василия и наказывали, “опускали на бабки”, как теперь бандюки говорят, объегоривали. Он выходил на улицу, взмыленный и раскрасневшийся от ходьбы, – глядь, а велосипеда-то уже и нет. Подлые мужики или дети, зная, что хромоногий хозяин не догонит их, не надаёт по шее как следует и не сдаст в милицию, преспокойненько угоняли технику, которая, повторимся, была тогда дефицитом и стоила страшно дорого даже и для городских. Не говоря уж про нищих деревенских жителей, до старости передвигавшихся на своих двоих.

Так вот и наживались на нём гадкие и мелкие людишки, не испытывая ни сострадания к инвалиду, ни снисхождения. Около десяти раз в общей сложности угоняли у него в городе двухколёсный транспорт, без которого он передвигаться не мог и, потеряв который, сильно потом, навзрыд плакал... Отревев и утерев сопли, возвращался домой кое-как, под старость – ползком почти, занимал деньги на новый, просил братьев сходить и купить побыстрей, и потом долго деньги копил, себя урезал во всём, чтобы с родственниками расчитаться...

Проблема с деньгами была для него с тех пор пожалуй что главной в городе после собственных недоделанных и слабосильных ног: денег ему всегда катастрофически не хватало. Хотя зарплата сапожника была неплохой, – но единственной. Потому как жена его Анна оказалась бабою норовистой

и праздной: работать категорически не желала, брезговала; считала, что работать в семье должен был муж. А то что супруг инвалид, – её это мало трогало и волновало... Больше скажем: раздражало всегда, тоску и тихую ярость в душе вызывало с брезгливостью вперемешку, вечное чувство стыда перед родственниками и соседями, глядевшими на супруга с жалостью плохо скрываемой, болью. «Это твои проблемы, – с неприязнью говорила она ему всякий раз в застольных семейных беседах, когда дело финансов касалось и их нехватки. – Родителей своих благодари, что они **такого** тебя уродили. А я из-за этого, из-за твоих кривых ног, страдать и мучиться не хочу. Тем более – идти и работать. Я и у папы с мамой никогда не работала, и теперь не хочу. Не бабье это дело – гнуть спину».

Вероятно, она со временем с удовольствием бы ушла из семьи, новую завела с лёгкостью – да вот не представлялось такой возможности что-то поменять хромоногого на здорового, ни разу ей подобное счастье не выпало, не подфартило. Даже и любовников у неё не имелось за целую жизнь по какой-то непонятной причине, одноразовых воздыхателей-ухажёров, готовых от скуки на кого угодно залезть – ради молодецкого ухарства и озорства, куража и потехи. А то и просто ради с водкой стакана... Вот и жила и мучилась баба, кляла судьбу, что уродилась такую страшненькой и непривлекательной, для мужиков пропащей...

Чтобы в городе не голодать и как-то на плаву держать-

ся, семья дяди Васи вынужденно водила свиней и сажала за городом картошку, чем навлекала на себя вечное недовольство его старших здоровых братьев, на которых ложилась основная нагрузка в этом нелёгком и достаточно колготном деле, которые должны были младшему каждый год помогать. За свиньями, правда, он ухаживал сам по очереди с женой Анной: кормил и поил ежедневно, кучи дерьма из-под них выгребал, что для него, инвалида, было делом страшно тяжёлым, страшно! от которого он часами потом восстанавливался и отходил, утирался от пота. Но резать и разделять выросших поросят каждый год всё равно приглашал братьев Михаила и Виктора на подмогу, сестру Татьяну, которым всё это не нравилось, естественно, предельно занятых в собственных семьях людей, и которых умащивали лишь огромные парные куски свинины-свежатины, что брат Василий неизменно за работу и помощь им троим выделял.

А вот с картошкой ситуация складывалась похуже – до ма-та дело порой доходило, до громкой ругани! Потому что сажать и копать её за младшего братика-бедолагу, собирать выращенный урожай в мешки, перевозить и перетаскивать их потом ему же в сарай за здорово живёшь, за стакан самогонки по сути, ссыпать там в погреб, животы рвать, пачкаться – понимай: ежегодно кормить картошкой его самого, да ещё и его семью и скотину в придачу Михаилу и Виктору совсем не нравилось, категорически. Для них обоих это было со всех сторон тяжело – и физически, и морально. И если б не слёз-

ные просьбы престарелой матери не бросать больного Василия на произвол судьбы, не доводить дело в его державшейся на соплях семье до голода и развода, – они давно бы послали брата куда подальше с его картошкой и огородом. А значит – и с содержанием свиней (и, как следствие, огромным мясным подспорьем), для которых картошка, кабачки и свекла традиционно являлись главным на Тамбовщине кормом. Варёная картошка, перемешанная с овощами, – не хлеб.

Из двух старших братьев Василия ответственный работник местного горисполкома Михаил на поверку оказался самым ловким и ненадёжным в смысле оказания помощи. Он быстро понял, хитрюга, сообразил – человеком был образованным, ушлым и дальновидным, – что надобно потихонечку от посторонних утомительных огородных дел ему себя ограждать, беречь здоровье и силы, которые на собственную семью пригодятся. И, пару раз поучаствовав в сборе урожая инвалида-брата, повозившись в земле и потаскав мешки, он, заметно вспотевший и перетрудившийся, после этого стал от чужой картошки “косить” – ссылаться на регулярные рабочие собрания и совещания в исполкоме, которые с тех пор приходились у него по какой-то странной и необъяснимой причине именно на сентябрьские страдные дни, когда все нормальные люди в их сельской местности как правило отпуска себе брали и тратили их на сбор урожая, на консервирование и засолку фруктов и овощей, уборку той же картошки.

Про его толстозадую супругу Розалию нечего и говорить. Она у него была дама важная и гонористая, из зажиточной городской еврейской семьи, которая однажды и впустила безродного деревенщину Михаила в дом, устроила в горисполком работать – вывела его “в люди” что называется, в местную знать. Плюс к этому, Розалия работала учительницей географии в школе и малограмотную родню супруга презирала с первого дня, с большим трудом выносила, отгородилась от её забот и проблем высокой стеной, за которую никого из них в свой мир и семью практически не допускала. И если и принимала участие где – то лишь исключительно в застольях, пьянках-гулянках семейных, банкетах на чужой территории, которые она очень любила и которыми никогда не брезговала – избави Бог! Пила и закусывала в гостях много и с удовольствием. И делала это молча, как правило, с брезгливой улыбкою на губах: хозяев, поивших и кормивших её, никогда не хвалила... Увидеть же её в поле с тяпкою или лопаткою в руках можно было лишь в страшном сне. К Василию на огород, во всяком случае, она ни разу не приезжала.

Вот и получалось в итоге, что дополнительная “картофельная нагрузка” и помощь родственная, трудовая довольно быстро стали уделом лишь среднего брата Виктора и его жены Тони; ну и сестры Татьяны разумеется, которые втроём и ищачили на инвалида безропотно всякий год, выполняли по сути всю самую грязную и тяжёлую, канительную и уто-

мительную работу. Сначала – в поле, потом – в сарае и погребу Васином, который тому сам же Виктор и выкопал на досуге, кирпичом обложил... Он, средний брат, после уборки чужого дополнительного огорода всегда матерился нещадно, возвращаясь домой ужасно уставшим, издёрганным, злым, надорвавшим пупок и спину, говорил, что больше этого делать не станет: хватит, дескать, шабаш! И пусть “хромоногий младшой” теперь со своей картошкой грёбаной разбирается и справляется сам: “пропади она пропадом”, мол, “гори ясным пламенем” и всё такое. Так он обычно осенью громко истерил-заполюшничал, такие обеты и зароки давал, истратив в поле и погребу последние силы.

Но наступала весна, посевной май месяц, который, как хорошо известно, кормил потом провинциальных людей целый год. К нему домой приходила престарелая мать, с некоторых пор с Михаилом в городе жившая, и слёзно упрашивала среднего сына оказать помощь убогому Васеньке, “последний, дескать, разок”. И Виктор скрипел зубами, недовольно хмурился и бурчал на мать: «надоели, говорил, вы мне до смерти все с этим своим калекою! до печёнок достали! до прямой кишки!» – но опять соглашался, впрягался в чужой тяжеленный воз, отнимавший у него уйму здоровья, сил и времени каждый год, а пользы не приносивший. Ни пользы, ни выгоды – одни убытки только, энергетические и нервные затраты и грыжи на пупке.

Отношения с младшим братом-нахлебником из-за это-

го у него всё больше и больше натягивались и обострялись естественно, становились плохими сначала, а потом и вовсе враждебно-критическими, взрывоопасными. Да и кому понравится, в самом-то деле, такая односторонняя и регулярная помощь-связь, переходившая в кабалу по сути, пахоту дополнительную, изматывающую?!... Обострению взаимоотношений между братьями немало поспособствовала и одна довольно-таки скандальная история, в которой невольно поучаствовал брат-инвалид, совсем не желая этого...

История произошла в деревне, в родном отцовском доме, где тогда всё ещё проживала мать обоих, Прасковья Егоровна, пока её не взял к себе старший брат Михаил, сидеть с маленьким сыном Сашкой, а дом не продал за ненадобностью. Туда-то однажды и приехали погостить Виктор с Василием на мотоцикле, отдохнуть и проведать матушку, детство вспомнить, по хозяйству старой помочь, что делали регулярно. А Виктор в поездку взял ещё и старшего сына Славу, которому едва-едва исполнилось три годика и который был очень подвижным и баловным пареньком, через чур даже. Своим озорством и шумом непрекращающимся, криком он очень утомил тогда всех, особенно – нервного дядю Васю, который раз за разом отчего-то вдруг принялся страшить племянника собакой Джульбарсом, огромной немецкой овчаркой, около десяти лет уже жившей в доме и охранявшей одинокую мать. «Смотри, – говорил он озорничавшему в хате племяннику, – сейчас позову Джульбарса, и он тебя по-

кусают в кровь. Будешь знать, как баловаться и хулиганить! Позвать, скажи, позвать?! Сейчас позову! Бойся, гадёныш!»

Зачем родной дядя такое племяннику говорил? страшил овчаркой и на беду настраивал, подспудно как бы готовил мальчика к ней? – Бог весть. Судьбой это всё называется, или его величеством Случаем. Но только когда племянник, не ожидавший дурного и страшного, совсем не готовившийся к нему, подскочил к дверному косяку через какое-то время, желая выбежать в сени и сходить там пописать в ведро, дёрнул за ручку и распахнул настежь дверь, – на него собака и бросилась неожиданно, стоявшая в этот момент в тёмных холодных сенях и намеревавшаяся по обыкновению забежать в дом, погреться, где она и жила с хозяйкою постоянно в отсутствие её сыновей и внуков.

Увидев светящиеся зелёные глаза в темноте огромной чёрной овчарки, которая, прыгнув по привычке в хату, толкнула его носом в грудь, сбила с ног даже и опрокинула наземь, перепугавшийся до смерти Славка, подумавший, что его и впрямь сейчас начнут на куски рвать и грызть по наказу дяди, – Славка тогда закричал так отчаянно и так пронзительно до ужаса, дико, что у находившихся в хате людей, двух братьев и матери их, волосы на голове встали дыбом и мурашки пробежали по телу в предчувствие большой беды.

«Ты чего испугался-то, Слав?! чего?! Успокойся, чудак! – стали втроем уговаривать они его дружно, белугой ревешего посредине избы и трясшегося будто бы в лихорадке. – Это

же Джульбарс наш – забыл что ли, да?! Он тебе ничего не сделает, не бойся – он хороший!»

Но как ни успокаивали тогда парнишку, как ни гладили по голове взрослые, – тот внезапный прыжок собаки из темноты оставил в душе трёхлетнего впечатлительного мальчугана неизгладимый след: он сразу же после этого стал заикаться. И чем дальше, тем больше. Старший сын Виктора стал в итоге заикой на всю жизнь. И произошло это, как ни крути, с подачи и помощью младшего брата Василия, который и сам изуродовался когда-то в возрасте трёх с половиной лет, и в этой же самой хате, что удивительно. А потом ещё и племянника в тот же возрастной срок изуродовал. Пусть и невольно, пусть не со зла. Но, тем не менее.

Собаку взбешённый случившимся Виктор после этого сразу же застрелил от греха: отвёл в овраг за деревню и выпустил в неё целую горсть крупнокалиберной дроби из обоих стволов ружья, чтобы не долго мучилась. Хотя до этого Джульбарса очень любил, которого сам же однажды и принёс в дом матери желторотым щенком и потом долго растил и воспитывал, лучший кусок отдавал, не жадничая и себя самого обделяя. Но после нападения и испуга сына он своего любимца четвероногого видеть уже не желал: расстреливал того без жалости и содрогания – прямо как волка лесного, хищного, оказавшегося вдруг на пути. У него, у Виктора-то, в городе ведь имелся ещё и младший сынишка, который тоже к бабушке иногда погостить приезжал и которого он и ре-

шил от подобного несчастного случая подстраховать-избавить. Двух сыновей-заик в семье ему было точно не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.